

А З Б У К А

ПУЛЬСАЦИИ

ФРАНСЕСК МИРАЛЬЕС

Сакура

ЛЮБВИ

МОЙ ЯПОНСКИЙ КВЕСТ

Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
М 63

Francesc Miralles
SACURA LOVE. UNA HISTORIA DE AMOR EN JAPÓN
Copyright © Francesc Miralles, 2019
Translation rights arranged
by Sandra Bruna Agencia Literaria, S.L
All rights reserved
Перевод с испанского Анны Берковой
Оформление обложки Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-26574-5

© А. В. Беркова, перевод, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

*Странствующий дорогами любви
тысячи километров пройдет так же легко,
как и один.*

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Рэй¹ (0)

零

Тягостная тишина на похоронах сама по себе невыносима, но еще хуже то, что большинству из тех, кто пришел отдать последний долг усопшей, не исполнилось и двадцати.

Амайя умерла через месяц и один день после своего совершеннолетия. Но для охваченных горем родителей, которые сейчас смотрели на толпу молодежи, она навсегда останется маленькой девочкой. Их безвозвратно потерянной девочкой.

— Кажется, я сейчас упаду в обморок, — шепнула ее лучшая подруга, вцепившись мне в руку, как перепуганная обезьянка.

¹ Здесь и далее японские слова транслитерируются в соответствии с системой Поливанова. — *Примеч. ред., если не указано иное.*

— Ты же обещала сказать несколько слов на церемонии, — напомнил я, изо всех сил стараясь изобразить стойкость духа.

— Да, но... Не знаю, Энцо. Будто весь мир разваливается на части. У тебя нет такого ощущения? Это так...

Голос ее прервался, и повисшая на ресницах слеза скатилась по щеке, оставляя темный след от потекшей туши.

У нее не находилось нужных слов, чтобы описать происходящее. И по правде, у меня тоже.

Еще полгода назад в мире царил полный порядок. Я начал изучать психологию в университете, а Амайя продолжала заниматься живописью, раздумывая, чему посвятить свое будущее. Она боялась, что академическое изучение истории искусств помешает ей реализовать собственный талант, свободный и непосредственный, как само ее естество.

Стоило только попросить Амайю что-то сделать, как тут же ты получал отказ. Это я усвоил с детского сада. С тех самых пор мы все время шли рука об руку, как две параллельные прямые, — вместе ходили в начальную школу, вместе закончили колледж и неожиданно оказались выброшены в реальную жизнь.

Если говорить о сексе, то между нами никогда ничего не было, среди прочего еще и по-

тому, что она отдавала предпочтение представительницам своего же пола. А помимо этого, между нами было *все*.

Лет в десять мы вместе сбегали с уроков, чтобы тайком попить лимонада в местном кафе.

Вместе мы впервые попробовали пиво, выкурили свою первую сигарету и свой первый косяк. В моем случае, кстати, он стал и последним, поскольку у меня резко упало давление и я без чувств рухнул на ковер в комнате Амайи.

Вместе мы ездили в Лондон, заручившись родительским благословением и разрешением с печатями из полицейского участка. А потом и в Афины, и в Берлин... Столько городов, и в каждом мы до рассвета болтали обо всем на свете!

От одной мысли о том, что больше мне никогда не суждено говорить с Амайей, у меня внезапно закружилась голова, словно эта непостижимая смерть вдруг материализовалась и, обретя реальный вес, всей своей тяжестью навалилась на нас, друзей-одноклассников.

Медленно двигаясь в безмолвной толпе по направлению к часовне, я вспоминал, словно в ускоренной перемотке, события последних месяцев.

— Энцо, кажется, у меня нашли какую-то нехорошую болячку, — сообщила Амайя по

телефону чужим голосом, звучащим так, будто человек одной ногой уже стоит в могиле.

Анализы подтвердили наихудшие опасения. Рак распространился настолько, что врачи давали ей не больше года. Амайя продержалась половину обещанного срока. Она так привыкла жить на высоких оборотах, что и к смерти спешила изо всех сил.

От нахлынувших воспоминаний я почувствовал, что почва уходит у меня из-под ног.

— Это неправда, — твердил я себе в каком-то тупом оцепенении, не вслушиваясь в поминальную речь священника. — Я в любой момент могу очнуться от этого кошмара, Амайя окажется жива, и все будет как прежде.

Меня вернула к действительности нескладная девчонка, лучшая подруга Амайи, — она вышла вперед, зажав в длинных костлявых пальцах какой-то листок. Бумага дрожала так сильно, будто вот-вот выскользнет из рук и упадет к ее ногам.

Все задержали дыхание.

Наконец она заговорила прерывающимся голосом:

— Мы все хорошо знали, как Амайя увлекалась Японией. Жаль, что она не смогла исполнить свою мечту — поехать туда... — Она высморкалась в бумажный платок и продолжила: — Но наверняка многим из вас неиз-

вестно, что ее имя существует в японском языке и означает «ночной дождь». Не правда ли, поэтично?

Ей снова пришлось сделать паузу, чтобы утереть слезы. Теперь дрожали не только руки, но и губы.

Когда уже все решили, что девушка не сможет закончить свою речь, она собралась с силами.

— Когда умерла Амайя, в наших сердцах воцарился мрак. Но мы всегда будем ощущать ее присутствие рядом, как невидимый дождь, пропитавший насквозь наши души.

При этих словах кто-то из присутствующих зарыдал, и вновь девушка помолчала, пока остальные передавали платки и сочувственно обнимали друг друга.

— В предпоследний раз, когда я навещала Амайю в больнице, — продолжила подруга, — она попросила раздобыть ей антологию «Хайку о смерти». В ней собраны эпитафии, которые поэты и буддийские монахи писали сами себе, прощаясь с жизнью. И я взяла эту книгу, когда готовила свою речь... — Бумажка чуть не выпорхнула из пальцев, но девушка успела подхватить ее. — Я выбрала несколько строк из Сокана и из Цугена Дзякурей¹,

¹ *Ямадзаки Сокан* (1464–1552), *Цуген Дзякурей* (1322–1391) — японские буддийские монахи и поэты.

чтобы сказать последнее прости нашей любимой подруге.

Часовню накрыло безмолвие, такое же пронзительно-белое и чистое, как полотно, на котором Амайя уже никогда ничего не рисует. Мне показалось, будто этот холст — эпитафия, сотканная из осколков моего сердца и души.

— Если кто-то вас спросит, куда ушла Амайя, скажите только лишь: «У нее были дела в ином мире». Сейчас, на своем последнем пути, она ступает по облакам.

Ити (1)

—

После похорон я неделю не вставал с постели. Я не болел, но совершенно лишился сил.

Я попытался было перечитать конспекты по социальной психологии, но понял, что совершенно не могу сосредоточиться. Единственное, что у меня получалось, — это слушать радио, да и то недолго. Пару минут я был в состоянии воспринимать новости или какую-нибудь программу о кино, но вскоре меня снова одолевала необоримая свинцовая тяжесть.

Я проваливался в мучительное краткое забытьё и пробуждался с бредовой убежденностью: «Амайя жива, все это просто ночной кошмар».

Осознавая, что все мои мысли возвращаются в одну и ту же точку, я начинал ворочать-

ся в кровати, натягивая на голову простыню в тщетном желании исчезнуть.

В один из таких моментов бодрствования я увидел перед собой приземистую, плотную фигуру отца. Откинувшись на спинку стула, он внимательно смотрел на меня.

— Эй, — возмутился я, — и сколько ты уже так сидишь?

— Достаточно, чтобы понять, что ты совершенно пал духом. Сходи проветришься. Я понимаю, что это ничего не изменит, но свежий воздух тебе всяко не повредит.

Я смотрел на отца, не зная, что сказать. Этот человек был создан для страданий. С тех пор как моя мать сбежала с другим, его мир сузился до итальянского ресторанчика, которым он управлял, и редких минут отдыха дома со спортивной газетой в руках.

Он воспринимал свое одиночество как пожизненное наказание, суровое и необратимое, а теперь вот посягнул на мою территорию.

— Я хочу остаться дома, папа.

— А почему бы тебе не позвонить кому-нибудь из одноклассников? — настаивал он, озабоченно теребя двойной подбородок. — Ты же знаешь пословицу: «Разделенное горе — это половина горя».

— Но не для меня... Лучше я отлежусь дома, чем часами слушать разговоры о ней.

Честно говоря, я стараюсь забыть то, что случилось.

— Забыть невозможно, Энцо, — откликнулся отец, слишком хорошо зная, о чем говорит. — Но жизнь все равно продолжается, пусть она сейчас и кажется тебе кучей дерьма.

С этими словами он потрепал меня по волосам и вышел из комнаты.

«Я люблю тебя, старина, — подумал я про себя. — Хоть ты и взвалил на себя роль тягловой лошади и думаешь только о том, чтобы выжить».

И тут на меня снова напал сон и потащил в пропасть, которая, подобно черной дыре, не вела никуда. В те дни, пока не пришел некий загадочный пакет, это небытие оставалось моим домом, единственным местом, где я мог существовать.

Ни (2)

Подскочив в постели от трели будильника, я вспомнил, что уже понедельник. Через час с небольшим я должен сидеть на занятиях по статистике в университете. Нелегкая задачка, но, как говорил отец, жизнь не стоит на месте. Выхода не было.

Или, по крайней мере, я так думал до того, как в трусах и майке поспешил открыть входную дверь.

Курьер в синей униформе вручил мне пакет и попросил поставить на планшете электронную подпись. Обычно посылки приходили отцу — товары для ресторана или последние книги по кулинарии, — так что я удивился, обнаружив на коричневой коробке свое имя.

Я сразу узнал почерк, но взбунтовавшийся разум твердил, что это ошибка.

Миральес Ф.

М 63 Сакура любви : Мой японский квест : роман / Франсеск Миральес ; пер. с исп. А. Берковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 192 с.

ISBN 978-5-389-26574-5

Подруга Энцо, Амайя, умирает от рака. Молодой человек безутешен и не понимает, как ему жить дальше. В один из дней он получает письмо из прошлого и... отправляется в путешествие в Японию, чтобы осуществить мечту Амайи, оставившей ему рукопись таинственного Кузнеца и чек-лист дел, среди которых: погладить ухо Хатико, послушать шум бамбука на закате, посмотреть в глаза снежной обезьяне.

Любуясь цветущей сакурой в парке Ёёги, Энцо знакомится с Идзуми, эксцентричной японкой из Англии, которая приехала в Японию, чтобы ближе познакомиться со своей родной страной. Встретившись несколько дней спустя в скоростном поезде, направляющемся в Киото, молодые люди решают стать попутчиками.

Это большое приключение, а также вдохновляющая история о любви. История, в которой творится магия самопознания на фоне живописнейших пейзажей Страны восходящего солнца.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Иен)-44

Литературно-художественное издание
Әдби-көркем басылым

ФРАНСЕСК МИРАЛЬЕС
САКУРА ЛЮБВИ
Мой японский квест

Руководитель редакции Анастасия Бутина
Редактор Ирина Ляйтгиб-Бурнаева
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентин Бердник
Компьютерная верстка Валентина Бердника
Корректоры Татьяна Бородулина, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 31.01.2025.
Формат издания 76 × 100¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 8,44. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» — обладатель
товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

C-PLM-35564-01-R